

Роза Штейнмарк, Мюнстер

Эта история не выдумана. Она родилась благодаря дневнику Мины Штеттингер при помощи Эммы Фишер (урождённой Штеттингер). Это мои тётки по материнской линии. В работе над публикацией большую помощь оказали мне моя мать Катарина Штейнмарк (урожд. Штеттингер), Ева Видеман и Мария Лоренгел.

Мина

Как долго они уже находились в пути? Неделю? Или целую вечность? Мина, скорчившись, сидела на соломе в углу товарного вагона, служившего всю эту вечность ей и другим женщинам из Камышей временным пристанищем.

День и ночь сквозь ледяной холод грохотал поезд на север страны, и звёздные ночи казались мрачными и безнадежными. Она чувствовала себя измученной, раздавленной, бесконечно уставшей, насквозь промёрзшей, неспособной больше ни мыслить, ни чувствовать. Даже едва дававшая тепло железная печка в середине вагона не могла согреть её насквозь промёрзшую душу...

Всё началось двадцать третьего декабря. Нет, точнее даже двадцать второго, поздним вечером, когда старый Готлиб Цицер, секретарь сельсовета, подобно злому духу носился по деревне, сообщая приказ Славгородского военкомата. Согласно Постановлению № 2383 от 7 октября 1942 года все немецкие женщины от 16 до 45 лет призывались в трудармию. Исключение делалось лишь беременным и женщинам, у которых были дети в возрасте до трёх лет. По аналогичному Постановлению осенью 1941 года в это страшное „место“ под названием „трудармия“ были отправлены все мужчины от 15 до 60 лет. Причём, исключений не предусматривалось. Вряд ли кто мог дать чёткое, конкретное определение самому слову „трудармия“, но все подозревали в нём что-то недоброе. И из этого „недоброго“ уже прилетали первые похорожки... Общее настроение в вагоне соответствовало духу и содержанию известной среди российских немцев песне:

„...Изгнан из мест я родимых,
Мне больно без родины быть.
Родным уж я весточку выслал:
„Мы встретимся, коль будем жить“.“

Здорово они умели петь, женщины из Камышей! Мощный женский хор будущих трудармисток, изливавших тоску по своим близким на пути в неизвестное будущее.

Бекер Мария
Бекер Лидия
Бекер Анна-Мария

Бекин Эмма
 Бекин Мария
 Лей Мария
 Лей Элизабет
 Лоренгел Мария
 Лоренгел Екатерина
 Мейнингер Ева
 Рейфшнейдер Элизабет
 Рейфшнейдер Мария
 Рутц Амалия
 Рутц Екатерина
 Рутц Элизабет
 Шефер Екатерина
 Шнейдер Лидия
 Штибен Мария
 Шварцкопф Берта
 Шварцкопф Элизабет
 Фогель Мария
 Вагнер Мария
 Вагнер Амалия
 Видеманн Ева
 и она – Штеттингер Мина.

Мина не пела. В мыслях она была рядом с мужем, Георгом Эрхардтом. Поженившись в январе 1941 года, они и не предполагали, что их счастье будет настолько коротким. Георг одним из первых был отправлен на фронт. В первые дни войны даже российским немцам было позволено „защищать“ Родину. Последнее письмо от него Мина получила шестого июля 1941 года. С тех пор она больше о нём ничего не слышала. Жив ли он ещё? Или пропал без вести? Ребёнок, которого они так желали и ждали, прожил лишь 10 дней, так и не узнав ничего об этом мире... А она? – Что станет с ней?

Вглядываясь в знакомые лица своих односельчанок и видя бесконечную боль в их глазах, ей и самой стало не по себе, она ощущала только холод, не было ни мыслей, ни желаний...

„Пой же, Мина“, – улыбнулась деревенская красавица Катя Рутц. Её золотисто-светлые волосы блестели в ярком лунном свете, казавшимся сквозь замазанные окна вагона таким же ледяным, как и снежный покров чуждого ландшафта на долгом пути в „трудармию“. Трудармия. В этом незнакомом слове звучали одиночество, смерть, холод и тоска... В Кате эта тоска останется навсегда... И этот холод однажды в яркий солнечный день превратит её в кусок льда. Там, в этой „трудармии“, в лесу под Кировом...

День был очень морозным, хотя солнце изо всех сил и пыталось согреть этот мир. Все были в лесу и валили деревья, ведь была установлена норма выработки, и её надо было придерживаться. Снова и снова слышалось

„берегись!“, что означало, что наполовину спиленное дерево готовилось упасть. Катя задумчиво смотрела в небо и дивилась стройной, красивой ели, почти касавшейся облаков своей кроной. „О Боже, как можно уродиться такой красивой! И сейчас она должна умереть, бедняжка!“. И тут всё и случилось: очарованная лесной красавицей, лежала Катя под её стволом. Мёртвая, с широко раскрытыми голубыми глазами, устремлёнными вдаль. Напрасно пытались женщины вызволить её из этого гроба деревьев и снега, но так и не смогли ничего сделать. Накрытой ветвями этой королевы леса, ей суждено было пролежать на этом месте до весны. И лишь только поздней весной её смогли похоронить в неглубокой могиле. Её путь до кладбища был недалёким. Её кладбище было именно в том месте, где её настигла смерть. Все женщины были настолько истощены и обессилены, что не смогли вынести её оттуда. Да и настоящего-то кладбища не существовало. Были лишь общие ямы, которые мирно делили между собой сваленные вповалку мёртвые... У Кати Рутц оказалось своё личное кладбище – там, где-то в этой проклятой „трудармии“...

Смертельно уставшие, возвращались женщины в свой барак, где их ожидали несколько часов покоя. Они не плакали. Они разучились плакать с течением времени. Даже у Мины больше не было слёз. Она была шокирована и убита абсурдностью мира, в котором они находились, и чувствовала себя автоматом, столкнувшимся с насилием, безумием и ужасом. Только что она снова была яростно побита охранником: женщины хотели немного согреться у еле горевшего костерка. Но охранник, потерявший на фронте правую руку, был, как и всегда, начеку: огонь разводить запрещено! Кроме того, он всегда искал возможность спустить свой гнев на „фашистских бестий“. Как будто эти скромные, сдержанные и молчаливые деревенские женщины были виноваты в его увечьи. Лишь годы спустя Мина смогла понять его вспышки: истинной причиной его слепой ярости служила их национальная принадлежность „немки“. Это было очевидно. И этого было не изменить... По крайней мере, в то время...

Сегодня был „помывочный день“ – баня. Ева Видеман, с которой Мина любила общаться, радовалась этому дню особенно. Наконец-то они смогут снять свои завшивевшие, пропотевшие вещи и отнести их в прачечную, где их прокипятят на сильном огне. И пока эти изношенные, рваные тряпки будут сушиться, они смогут отогреть свои промёрзшие насквозь кости и вымыть волосы. Хотя к этому времени большинство из них уже распростились с ними, поскольку удобнее было иметь коротко подстриженные волосы и по крайней мере не так страдать из-за противных вшей. Не было даже нормального мыла, чтобы почувствовать себя по-настоящему чистой после такой „бани“. Но зато было много тёплой воды и пара. Ева посмотрела вокруг: все они выглядели плохо, изголодавшиеся, униженные, в шрамах. Было чудом, что эти когда-то хрупкие нежные деревенские создания вообще ещё жили. Дневная норма из трёх кубометров поваленной древесины уже отразилась на их телах. После 700 граммов чёрного хлеба, напоминавшего по вкусу опилки, и тёплого липкого

бульона, считавшимся супом, лучше выглядеть и невозможно. Еве едва исполнилось 17, когда её отправили в „трудоармию“, и с тех пор она страдала от невыносимого холода под - 50°. Баня была единственным местом, где она чувствовала себя хорошо. Возможно, в этом было и немножко удачи? Несмотря на все тяготы будней, она была ещё жива, если это существование большого числа женщин в переполненном бараке можно назвать жизнью. Ни одной секунды не побыть одной, ни единой минутки для себя, ни часика на краткое уединение. Всё только по плану, в соответствии со стандартом и под постоянным наблюдением. Запрет на всё, в том числе и на менструации: каждый вечер женщины были обязаны глотать по столовой ложке горьких капель, чтобы у них не наступили месячные...

В тот вечер Мина чувствовала себя нехорошо, её лихорадило и по всему телу был жар. Утром её доставили в пункт № 10. Здесь кроме всего прочего находился и лазарет. После беглого осмотра врач сделал заключение, что у неё растёт зуб мудрости и сказал, что это хороший признак и жить она будет долго. Ей разрешили остаться в пункте № 10 подольше. Это решение было её счастьем. Пункт назывался „хозяйственной частью“ трудоармейского лагеря, здесь была ферма, большой огород и кое-что ещё, необходимое для самообеспечения. Работа и здесь была не из лёгких, но женщины были ей рады, ибо они имели возможность время от времени получить тёплый солодковый чай или раздавленный картофель, предназначенный на самом деле свиньям... Здесь Мина смогла немного восстановиться и к весне она выглядела лучше и здоровее.

Между тем и Мария Лоренгел оказалась в этом же пункте № 10. Её ноги отказывались ей подчиняться – всю весну вместе с другими девушками и женщинами она простояла по колено в воде со льдом, и калоши, которые надевались на самодельные сапоги, тоже не помогали. Монотонная и нечеловечески тяжёлая работа высосала из неё в конце концов все силы. В этом однообразии все передвигались подобно роботам: валили деревья, помогали топором, чтобы ствол рухнул, пилили и оттаскивали в сторону ветки и, наконец, перетаскивали брёвна из леса на дорогу. Наверное, с этим можно было бы ещё справиться. Но оставались ещё и ночи – и они были ещё страшнее дней: необходимо было грузить товарные поезда. Страна отчаянно нуждалась в древесине! Сценарий не менялся – женщин, едва заснувших, будили из беспокойного сна и выводили в промёрзшую ночь. Это означало: на фронте солдатам тоже нелегко, так покажите, на что вы способны!

А теперь она была здесь, в пункте № 10. И радовалась встрече со знакомыми девчонками из Камышей. Во всяком случае, приятно было снова видеть их улыбочивые, добрые лица. Летом Марию отправили на заготовку сена. Вместе с другими 20-ю девушками они должны были косить, сушить и сбивать в стога сено для „трудоармейской фермы“. Конечно, не все были из Камышей, но все они знали друг друга ещё по прежней жизни в Славгородском районе, и быть вместе оказалось здорово. Впервые они могли свободно передвигаться и не

жить, как обычно, в бараках. Их поселили в доме на окраине небольшого посёлка, и им даже разрешили самим готовить еду. В деревушке была молочная, где они время от времени получали по несколько литров сыворотки. Это было великолепно, настоящий рай на земле! И даже с охранником им на сей раз повезло: „из наших“ – радовались девушки...

Сегодня Мария уже не помнит его имя, но помнит его мягкую нежную улыбку, с которой он наблюдал за весёлыми проказами молодых девчат...

Мина тем временем чувствовала себя физически относительно лучше, лишь мысли о Георге не отпускали её: где он? Возможно, он где-то уже объявился? Или тоже находится в этой же ненавистной „трудармии“? Если так, то было бы хорошо, если бы он был где-то поблизости... Эти вопросы без ответа точили её душу, она сильно беспокоилась о судьбе мужа и не выказывала интереса к играм своих многострадальных подруг... И дома, в Камышах, всё шло не так, как предполагалось: там оставались ещё сестра Эмма и брат Теодор. Екатерина, как она узнала, с осени 1944 года находилась в тюрьме из-за нескольких горстей овсяных плевел. А ведь она была единственной опорой в семье. И тем не менее ей ещё повезло: поскольку осенью Екатерине ещё не исполнилось полных шестнадцати лет, ей дали только два года тюрьмы, бóльший срок был бы противозаконным. Где именно она должна была отбывать этот срок, Мина не знала. Дома с детьми оставалась лишь мать. Как они пережили зиму? Если вообще смогли пережить? Ответы на эти вопросы она получила лишь несколько месяцев спустя...

Сегодня подруги ехали вместе на заготовку сена и наслаждались коротким отдыхом. Как всегда, когда они отдыхали, кто-то из них запевал песню:

„Прощайте, мои дорогие,
Могилу найдите мою.
Последний привет прочитайте:
„Вас всех бесконечно люблю““.

Вот надо им было петь именно эту песню? Будто бы не существует других! Прямо под стать настроению. Стояла осень, в полях больше не было работы. Конечно, многим предстоит возвращение назад, в лес. Мину уже заранее охватывал ужас при мысли о душном, выстуженном бараке и о дровах, которые они должны были тащить на себе после долгого дня работы в лесу, чтобы немного прогреть этот проклятый барак. Насквозь промокшие стёганые брюки и куртки испускали едва с трудом переносимое зловоние. Но высушить их не удавалось...

Марию Лоренгел – наряду с другими подругами – отправили в угольную шахту на Урал: в конце-концов, „Родина“ нуждалась и в угле! Женщинам посчастливилось не попасть в темноту шахты – там страдали мужчины. На поверхности шахт тоже было много работы: нужно было грузить добытый уголь в вагоны, товарные составы стояли в ожидании своей очереди. Здесь было не намного лучше, чем в лесу. К вечеру не чувствовались суставы, руки горели от соприкосновения с железными ручками тележки и глаза почти ничего

не воспринимали. Даже при ярком солнечном свете вся окружающая местность выглядела серой и туманной. Но никакого тумана не было, была лишь угольная пыль, откладывавшаяся у трудармисток в лёгких и не дававшая им покоя ночами. Еву Видеман и Мину снова доставили в их „любимый“ барак в лесу, где ничего не изменилось. Иногда у Мины возникало ощущение, что время остановилось: они почти не говорили друг с другом (о чём, собственно?), одинаково и монотонно передвигались и безропотно принимали всё, что с ними происходило – несчастные случаи, болезни и смерти ...

Она больше не получила от своего мужа ни единого письма, но свидетели рассказали, что он попал в плен ещё в первые дни войны, будучи тяжело раненым. Вместе с другими военнопленными его отправили в Германию. Что произошло с ним дальше, Мина не знала.

Лишь много времени спустя, уже после войны, она узнала, что после выздоровления он работал на ферме в Баварии. Хозяйка, одинокая женщина с дочерью, была настолько от него в восторге, что очень хотела выйти за него замуж. Свадьба состоялась, но до большой любви так и не дошло. Его тоска по родине росла с каждым днём. Напрасно просил он жену отпустить его домой. В конце концов, у него не осталось больше сил бороться с ностальгией и он покончил с собой. Его могила находится где-то в маленьком местечке в Баварии. Его кровная дочь носит имя Эрхардт – кто знает, слышала ли она вообще о том, что в её жилах течёт немецко-русская кровь...

Когда женщины в лесу узнали о конце войны, они все поверили, что настал день, когда им наконец можно вернуться домой. В мыслях они давно уже были в пути домой. Охранник, подслушав разговоры женщин между собой, разразился гомерическим хохотом: для вас это будет не так быстро! Что вы думаете – так просто можно отсюда исчезнуть? А кто будет работать? Потребовались ещё годы, прежде чем трудармисткам дали официальное право вернуться домой...

Принц: *Где же люди?*

Цветок: *Их носит ветром. У них нет корней. Это очень неудобно.*

Антуан де Сент-Экзюпери („Маленький принц“)

Можно было бы сформулировать вопрос принца иначе: *Где немцы из России?* Ответ на этот вопрос будет, вероятно, звучать так: *Ветер носит их по свету, так как у них нет корней, и это очень плохо для них. Через несколько десятилетий их больше не станет. Даже их имена развеет ветер, а их потомки ничего не захотят знать о них...* Врач в пункте номер 10 в своё время оказался прав: зуб мудрости явился добрым знаком. Мина прожила до 2009 года и умерла в возрасте 86 лет в месте своего изгнания, которое она не смогла покинуть. Она не вернулась в Камыши. Лишь иногда навещала там своих родственников и встречалась со старыми подругами по трудармии. Но она всегда возвращалась назад – назад в своё прошлое, в свои воспоминания.

Мария Лоренгел и Ева Видеман вернулись домой. Но волна эмиграции, которую уже было не остановить, привела их в Германию. Обе живы. Мария проживает в Аалене (Баден Вюртемберг), Ева – в Баварии. Когда с ними разговариваешь о трудармии, у них туманятся глаза и чувствуется, что бремя прошлого, которое они так долго несут в себе, никогда их уже не отпустит...

Роза Штейнмарк

P.S. Я благодарна своей подруге Ирине Лейнонен за мастерский перевод этой истории на русский язык.